

ХАРЛАМПИЙ ОРОШАКОВ: «МОЯ РОДИНА – ЭТО МОЕ ИМЯ»

«Лица границы» – художественная выставка с таким названием проходит в Каннах, но, в сущности, она близка многим из нас, на Севере Европы. Необычность и даже сенсационность ее материалов подкреплены сенсационной необычностью автора, художника Харлампия Орошакова. В его судьбе скрещено немало параллелей – то есть линий, которые по определению сходятся не могут. Писатель Владимир Набоков и «Тихий Дон», лорд Байрон и узники болгарского Гулага – как это может совпадать на генеалогическом стволе?! Попросим рассказать самого художника.

Харлампий Орошаков

– Харлампий Георгиевич (позвольте обратиться так), в вашей биографии написано: австрийский художник и публицист, родившийся в Болгарии. В Берлине и вообще в Германии вас считают самым модным и известным современным немецким художником. Известны такие ваши высказывания о себе: странствующий космополит русского происхождения. Так кто вы по национальности? Или у вас нет национальности?

– Моя родина – это мое имя. Я венец, гражданин Австрии, живу то в Берлине, то на Лазурном Берегу, то в Вене. У моей семьи есть русские предки, и благодаря моим родителям, особенно отцу, любовь к нашим корням и нашей православной вере – нечто само собой разумеющееся.

– Да, при всем космополитизме и генеалогической смешанности обращает на себя внимание ваша тяга к русским корням. Некоторые вещи звучат как легенда, например, указание на княгиню Волконскую как одну из ваших «прапрапра...» или на двоюродного деда – белогвардейского офицера, чьи дневники легли в основу «Тихого Дона».

– Легенды указывают на реальную основу. Кира Волконская, урожденная Петкевич, умерла в 1995 году в Москве. Ее отец, Георгий, был вице-губернатором в Казани. Он приходился двоюродным братом моему деду, Харлампию Гавриилевичу Орешакову, который стал градоначальником Софии и членом президиума Демократической партии.

Моя прабабушка Милица, урожденная Петкевич, жена Гавриила Харлампиевича Орешакова, происходит из известной русской династии дипломатов, ее дядья в середине XIX века во времена так назы-

ваемого Восточного вопроса (комплекс международных противоречий, связанных с борьбой балканских народов за освобождение от османского ига – Е.Ш.) сыграли заметную роль. Дмитрий, старший, был секретарем князя Горчакова в Санкт-Петербурге, Константин был российским генеральным консулом в Дубровнике и влиятельным советником черногорского князя Данилы. Еще один их брат, Андрей, был генеральным консулом в Фиуме (нынешняя хорватская Риека – Е.Ш.), отец Милицы был комитом (градоначальником) Рущука (болгарский порт на Дунае, ныне город Русе – Е.Ш.) и управлял имениями в Бессарабии.

Происхождение Киры – по линии Дмитрия. Она вышла замуж за баритона Белградской оперы князя Михаила Волконского, в 1931 году в Париже. Именно в этом году мой прадед стал почетным гражданином Парижа, а вскоре пышно отпраздновал свой день рождения в Софии, на празднике присутствовали и другие Петкевичи. Борис Петкевич и его жена Ольга, урожденная Набокова, сестра писателя Владимира Набокова, еще в 1923 году сбежали в Прагу, и там почти сразу родился их сын Ростислав. Впоследствии Борис бежал от Красной армии в Англию, где умер в 1962 году. Другая родня моего прадеда также спасалась от наступления Красной армии в 1944 году и была развеяна ветром. Старшая сестра прадеда, Ольга, бежала с мужем Родионом Константиновичем Рудановским из Молдавии в Буэнос-Айрес, где их дочь вышла замуж за Хаика Артамьяна. Мой отец Георгий видел его лишь однажды, когда после развала Советского Союза тот посетил отца в Вене по дороге в Молдавию, где хотел заявить права на фамильную собствен-

ность. Ну а Константин Рудановский, гвардейский генерал и герой русско-турецкой войны 1877-78 годов, бесследно исчез, не оставив никаких документов, указывающих на права владения.

Старший Георгий оставался в фамильном имении Орошанка под Елизаветградом Херсонской губернии. Он примкнул к отряду двоюродного брата есаула Харлампия Ермакова и пропал в буре революции. Мой прадед много лет разыскивал его следы через Красный Крест.

Харлампий Ермаков, мой двоюродный дед, – легендарная фигура, на чьих записках, согласно Брайану Мерфи, издателю дополненного и снабженного критическими комментариями варианта отмеченного Нобелевской премии романа «Тихий Дон», основываются как личностные, так и военно-исторические детали книги Шолохова. Харлампий Ермаков стал прообразом главного героя романа, Гришки с хутора Татарского. Как командир Первой кавалерийской дивизии Донской армии атамана Африкана Богаевского он воплощал «лучшие черты казачества». Кавалер четырех Георгиевских крестов был в 1927 году вместе со своими офицерами расстрелян в чистом поле. Шолохов всю жизнь скрывал источник своего произведения. Моему отцу в конце концов удалось раздобыть секретные документы, посвященные жизни и предполагаемым обстоятельствам гибели есаула. По этим вопросам отец состоял в переписке с музеем казачества в Голландии.

Все это постоянно доносилось до моего слуха, хотя в те времена меня больше интересовали Джими Хендрикс и Led Zeppelin. Боюсь, что сейчас я таким же образом «напрягаю» своих детей, но вопрос, интересно ли им это, пусть они задают себе сами.

– История вашего детства и юности, бегства семьи из Софии в Вену – это сюжет захватывающего приключенческого романа...

– Я рос в маленьком доме Угринов, моих предков по материнской линии, в местечке Красно Село под Софией. Это был простой дом. Маленький сад. Кудахтали куры у развалин фабрики моего деда Гударовского. При царе фабрика, производившая шоколад и другие сладости, входила в десятку самых крупных предприятий на Балканах. Моя бабушка Милена из рода Макрии, упомянутого в оде Байрона «Афинянке – на прощание», рассказывала мне македонские сказки, пела задушевные славянские песни и тайком отмечала со мной православные праздники. На открытых судебных процессах после 1944 года мой дед Харлампий и крестный моего отца Георгия, бывший министр внутренних дел Александр Гиргинов, были объявлены врагами народа и пропали в двух самых мрачных лагерях того времени, Белине и Кузиане.

Мой отец был поражен в правах и не смог закончить инженерного образования, а мать как дочь «эксплуататоров народа» закончила юридическое образование под непрерывным надзором органов. Для меня, тем не менее, это было замечательное время в дедовском доме, полное тепла и заботы. Однако когда я пошел в детский сад имени Максима Горького, там постоянно слышал, что меня необходимо

вырастить полезным членом общества. Наверное, поэтому я испытываю здоровое недоверие к любой форме политико-идеологического воспитания.

Когда мне исполнилось пять лет, я был внезапно вырван из этого мира, оказался в вагоне, из которого вышел в городе под названием Белград, где меня встречал дядя Миоград, единокровный брат моего отца. Оттуда я вскоре попал в Вену, точнее в лагерь для перемещенных лиц Трайскирхен. В отличие от отца, бегло говорившего по-немецки и по-французски, я оказался безъязыким, потерялся в череде сменяемых школ, ни одну из которых не окончил. Мой отец, гениальный математик, закончил инженерное образование в Вене, а через год мы получили австрийское гражданство. В 1968 году отец основал металлургическое предприятие Oro-Tor (Oroschakoff-Torstahl), немного позже V.V.B. Gesmbh (Baukasten vorgefertigter Bauelemente) и каждый год патентовал новое изобретение, пользовавшееся мировым спросом. Ну а я таким образом пережил и темные, и светлые времена.

– Много европейских городов сыграли важную роль в вашей судьбе: София, Белград, Вена, Мюнхен, Кельн, Канны, Берлин. Особым рядом стоят, конечно, Святая гора Афон и остров Патмос. А в каком городе вы чувствуете себя по-настоящему дома?

– По-настоящему уютно я чувствую себя в нашем доме на юге Франции. Мои родители еще в 1968 году избрали второй крышей Канны, полагаю, под романтическим влиянием старых аристократических традиций. Вена остается моим городом, детство, юность, первые опыты художественного творчества и все, что с этим связано, отпечатались во мне, но и напитали мои критические чувства.

Мюнхен – город, где я первый раз женился, в 1986 году. Там родились мои дети Мария Калина и Георгий. В Мюнхене я завершил свои «венские годы» и ступил на длинный путь к «поствизантийской Византии». Здесь я впервые создал образ патриаршего креста, породивший немало заблуждений.

В Берлине я повстречал мою большую любовь Диану. Здесь мы поженились, здесь родились и крещены в православии наши дети Дара Милица и Гавриил.

Белград это часть моей семьи. Моя бабушка Дара, урожденная Ристич, внучка регента, премьер-министра и министра иностранных дел Иована Ристича, основала там большую семью, к которой принадлежат брат моего отца, дядя Миоград, и сестра, тетя Надежда.

Особую роль играет, конечно, гора Афон, куда я регулярно совершаю паломничества с моим родственником Александром Раром и с детьми, – это очищающая купель!

– Известны ваше участие в акциях протеста 70-х годов, приверженность контркультуре как разрушительнице капиталистических устоев. Чувствуется, что капиталистическое мироустройство вас не устраивает, по крайней мере как художника. Так чем, по нынешним ощущениям, явилось ваше бегство из мира социализма в мир капитализма? Дорогой в царство свободы? Или перемещением от одной несвободы к другой?

– Не надо забывать, что в пятилетнем возрасте я еще не мог опираться на какой-либо идеологический фундамент, сопоставления такого рода могли отразиться на мне лишь позже. Ну а движение протеста 70-х годов в Вене было в значительной мере связано с сексом, наркотиками и рок-н-роллом, гораздо меньше с моралью или борьбой за равенство полов. Как сказал Альбер Камю, «добронравный и проповедующий справедливость когда-нибудь начнет сечь головы».

– Вас называют аристократом, денди. У вас аристократическая семья. Ваша супруга – представительница старинного немецкого дворянского рода. Вместе с тем – контркультура, то есть вызов истеблишменту, в каком-то смысле контраристократизм. Как это уживается в одной личности?

– История дома Хараламов – Орешак восходит ко временам

Харламхий с супругой графиней Дианой фон Хоэнталь и Берген

Фото: © Christina Prinzessin Lobkowitz

Ивана III (XV век), к византийскому беженцу Харалампию Гаври, ставшему игуменом Спасо-Елеазаровского монастыря под Псковом. В Великом Новгороде начинается собственно история рода, имя которого связано с названием замка Орешак (Орешек) на ладожском острове Орехово. С боярином Орешко вступают мои предки (в 1552 году) на политическую арену. Другой пример: Иван Хараламов Орешек, участвовавший в качестве переводчика в дипломатической миссии князя Трубецкого при дворе курфюрста Бранденбургского накануне Великой Северной войны. Примечательна также роль моего прапрадеда Гавриила, работавшего вместе с Иваном Аксаковым в Московском славянофильском комитете, а потом по зову князя Черкасского участвовавшего в создании Болгарского княжества, в котором он был прокурором,

Alright, Mama Dada (1), 2017 Acryl auf Samt, 80 x 63 cm

Doppelkreuz Berlin 4, 2015 Pigment, Lackstift auf Leinwand 250 x 200 cm

Apotheose der slawischen Nation, 1996 Kelim, nach einem Entwurf von Haralampi G. Oroschakoff gewebt, ca. 220 x 150 cm Installation MEM Cannes, Visages des frontiers, 2021/2022

хранителем государственной печати, дважды возглавлял министерство юстиции. Все они были слугами царю и многонациональному отечеству. Наша фамилия до начала XIX века звучала как Орешек, пока мой прапрадед под влиянием панславизма не добавил окончание «ов». Латинские варианты Oreschak или Oroschak восходят к тому, как названо наше родовое гнездо в знаменитых «Записках о Московии» Сигизмунда фон Герберштайна (дипломата Священной Римской империи в XVI веке – Е. Ш.). Это и было взято за образец написания фамилии при оформлении заграничного паспорта моему деду, в принятой в те времена форме, с удвоенным f на конце.

Поскольку вы назвали и мою жену, ее род – графы Хоэнталь и Берген – также известен дипломатами и министрами в Королевстве Саксония. Одна из ее прапрабабушек, принцесса Сайн-Витгенштейн-Берлебург, состояла гофдамой при русской императрице.

Ну а вообще, каждый мыслящий человек ищет в сохраняемом багаже прошлого пустые места, чтобы заполнить их настоящим. Новое никогда не бывает напрасным.

– О вас говорят как о воссоздателе традиции иконописи. Известны, однако, и ваши провокационные инсталляции типа писсуара на городской улице. Иконопись призывает человека к примирению. С богом, с ближними, с самим собой. А вызов есть вызов. Так чего же больше в вашем творчестве – вызова или примирения?

– Как и Антонен Арто (французский писатель, драматург и новатор театра – Е.Ш.), я испо-

веду принципы самоотчуждения. Поэтому не колеблясь привлекаю разные правды, которые противоречат друг другу, и противоречу им. Я остаюсь собственным противником в непрерывной мировой войне с самим собой. Недаром говорится, что искусство это духовная дисциплина, это взгляд на мир индивидуума, который ищет форму, чтобы отобразить свое видение наиболее адекватно.

И потом я не активист, в моих работах не надо искать ложных примирений или призывов – к чему бы то ни было.

– Патриарший, он же православный крест один из повторяющихся образов в ваших произведениях. Какой смысл вы вкладываете в этот символ?

– Патриарший крест это мой вклад в историю искусства. Он возник в середине 80-х годов как прямая реакция на игнорирование нашей православной культуры и на те иронические реплики и насмешки, которые слышались, когда я пытался устными тирадами переубедить игнорирующих. Отталкиваясь от иконы с изображаемыми на ней отсылами к тому, что изображалось ранее, я искал, основываясь на положениях «радикальной живописи» – «radical paintings», – некую форму, способную продолжить новации Марка Ротко и Эда Рейнхардта (оба русские эмигранты). Двойной, патриарший крест имеет то преимущество, что он легко узнаваем, и к тому же остается суверенным жестом, без разъяснений. Заполнение им пространства картин – проводной механизм для меня. После трехсот выставок по всему миру я могу это рассматривать как удачное решение.

– Для критиков и для многих почитателей вы являетесь мастером концептуализма. Концептуалисту как бы не важен эмоциональный элемент – гораздо важнее рациональное постижение созданных образов. Но если апеллировать к христианским понятиям – например, к любви. Какое из своих произведений вы любите больше всего?

– Я люблю мою жену, моих детей и мою мать. В искусстве для меня самое значимое – рисование: спонтанная линия гуляет по бумаге, мысли становятся видимыми, и это неповторимый момент!

– Сейчас на юге Франции проходит очередная ваша выставка. Расскажите о ней. Авторское слово приобретает особый вес, когда в условиях короны мы вряд ли можем порекомендовать читателям съездить и самим посетить выставку – а было бы интересно...

– Выставка Visages des frontières («Лица границы») в Музее исследования мира в Каннах – вероятно счастливый случай. Еще тридцать лет назад я начал собирать образы различных народов как Российской, так и Османской империй, изучать их национальные наряды, цвета, особенности, способы выражения чувства собственного достоинства. В течение десятилетий коллекция разрасталась, дополнялась картами, артефактами, картинами и рисунками. Профессионалы, видевшие их, не скупилась на похвалу, но никто не брался организовать из этого выставку. В новом директоре музея Кристофе Ростане

DAS LÄCHELN DES EMIGRANTEN, 2021, wdpress Berlin 28,00 Euro (zzgl. Versandkosten)

Zu bestellen unter info@hohenthalundbergen.de

Делатуре я нашел энергичного, утонченного и весьма заинтересованного партнера. Сегодня Канн увешаны огромными выставочными плакатами, выходит богато представленный каталог на четырех языках, в том числе на русском. Как говорится, иногда мечты становятся реальностью.

– Одна из ваших книг называется «Улыбка эмигранта». Считаете ли вы себя по-прежнему эмигрантом?

– Кто в юности пережил изгнание и бегство, отторжение и муки невладения языком, тот не теряет внимания к изменениям жизненных условий. Он, так сказать, носит свои раны под кожей. Поэтому на ваш вопрос я могу ответить: да.

– Основные читатели нашего журнала – немецкие переселенцы из стран бывшего СССР. То есть, в общем, тоже эмигранты. Могли бы вы ощутить духовную общность с этими людьми? Кстати, вам доводилось бывать в Казахстане, где родились и жили многие наши читатели. Что вы могли бы им пожелать?

– У меня в 90-е годы был проект «Четвертый интернационал», осуществленный совместно с Центральным музеем Алма-Аты. Я встречался с людьми с корнем «оршак» в фамилии, это было очень трогательно. Вашим читателям я могу пожелать только всего хорошего, быть стойкими, чтить предков, не забывать своего происхождения. Приведенные к единому знаменателю массы являются воском в руках ловких демагогов. Ну а тех, кто не поддается уравниловке, это я хорошо знаю, не сломить.

Беседовала Елена Шлегель

Es erscheint ein Katalog

Haralampi G. Oroschakoff

Visages des frontières Gebunden mit Schutzumschlag, Fadenheftung

Buchformat: 225 x 305 mm, Umfang: 272 Seiten

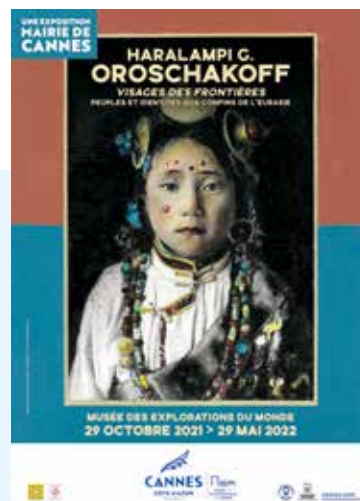
Mit zahlreichen farbigen Abbildungen und Karten

Inhalt auf Deutsch, Französisch, Englisch und

Russisch

ISBN 978-3-00-070770-4

Preis: 48,00 Euro

Plakat Ausstellung Cannes
Les visages des frontières MEM
(Musée des explorations du monde),
Cannes, bis 29.05.2022